

Дмитрий Кириллов

Отрывок из повести-сказки «Домовой»

Глава первая

Солнце, словно задержавшись на мгновение, чтобы подарить миру еще несколько глотков тепла и света, золотистым колобком закатилось, наконец, за горизонт. Вечерняя мягкая прохлада невидимой волной заполнила все дворы и переулки городка. Молодые и робкие июльские кузнечики начали настраивать свои крошечные скрипки. В кроне старого ясеня, что рос во дворе, возились и переругивались собравшиеся на ночлег галки.

Афанасий, кряхтя и ругая про себя застарелый ревматизм, прошаркал ногами, обутыми в подшитые тапочки, по кухне и забрался на табурет. Засунув руки глубоко в карманы выдавшей виды коричневой вязаной кофты, он замер, сгорбившись, глядя в сгущающиеся синие сумерки за окном.

Афанасий был из почтенных, старозаветных домовых: держал хозяйство, знал множество частушек, побасенок и народных примет. Умел петь колыбельные, просеивать зерно и муку, предсказывать погоду. А главное — весьма почитал хозяина своего, Андрея Андреевича, с которым они прожили под одной крышей много-много лет.

Афоня тяжело вздохнул: этим утром он остался совершенно один. Андрей Андреевич, конечно, и раньше частенько уходил из дома, бывало весьма надолго, но Афоня всегда чувствовал, что он скоро вернется. Сейчас же домовый ощущал только тоску и страх за хозяина.

Андрей Андреевич Новоселов был мужчина пожилой, но весьма деятельный. И когда он весь вчерашний день, вопреки обыкновению, пролежал на диване, вставая лишь по крайней надобности, Афоня почувствовал неладное. Сидя за шкафом, домовик напряженно прислушивался ко всему, что происходило в квартире.

Вечером хозяин звонил дочери, Ксюхе, просил прийти, но она, как водится, отбрехала:

— Некогда. Вадик обещал заехать. Да и поздно уже, у меня важная встреча с утра... Не грусти, папусик! Может на днях, а?

Афанасий, слыша это, скрежетал зубами от злости и обиды за хозяина.

Ксюху домовой знал с детства, но с некоторых пор — просто ненавидел.

Ксения при этом, разумеется, даже не догадывалась о его существовании.

Ночью Андрею Андреевичу стало совсем худо. Он стонал, просил пить, звал непутевую Ксюху. Домовой всю ночь таскал ему с кухни чашками воду, стараясь при этом не показываться на глаза хозяину (ибо не положено, только в самых крайних случаях). Впрочем, Новоселов был так плох, что вряд ли понимал, откуда берутся чашки со свежей водой на тумбочке.

Под утро Афанасий, до той поры прикасавшийся к телефону, только лишь чтобы стереть пыль, набрался смелости и набрал номер «скорой». Все же хорошо, что он пристрастился в последние годы смотреть из своего угла за шкафом все сериалы подряд: читать Афоня не умел, в цифрах путался, но магическое сочетание «03», которое фигурировало в детективах периодически, знал на зубок. Набрав нужный номер, домовой голосом хозяина попросил приехать по их адресу — Маркса 17, квартира 43, затем открыл замок входной двери и беззвучно скользнул в свою щель за шкафом.

Примерно минут через двадцать в квартиру вошли незнакомые люди в странной одежде: темноволосая женщина и румяный, бойкий парень с чемоданчиком в руках. Женщина бегло осмотрела Андрея Андреевича и что-то сказала румяному. Парень ненадолго вышел и вернулся с каким-то мрачноватым мужиком в засаленной кепке. Вместе они положили хозяина на носилки и вынесли из квартиры. Спустя несколько минут внизу хлопнула дверца, и Афоня увидел, как от дома отъезжает красно-желтая машина с фонарем на макушке.

Афанасий вздохнул еще раз и беззвучно спрыгнул со своего табурета. Галки за окном смолкли, лишь кузнечики продолжали стрекотать так же монотонно, как и последние пару миллионов лет. Постояв еще немного посреди кухни, глядя в уже совсем темное окно и поглаживая длинную седую бороду, домовой поплелся в комнату и забрался в свой угол за шкафом.

Пока наш верный Афоня отдыхает, постараемся разобраться, что же такое или кто такие есть домовые.

Раскрыв любую книгу о мифических существах, коих немало написано людьми за последние несколько столетий, мы можем узнать, что домовою у славянских народов — домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома. Домовик в доме — залог спокойной и счастливой жизни всей семьи. Он следит за здоровьем людей и животных. В отличие от бесов, домовою не делает зла, хоть и шутит частенько. Он даже оказывает услуги, если любит хозяина или хозяйку.

Но даже если мы прочтем все, что написано когда-либо о домовых, то первое, что придет на ум — сколь мало мы знаем о наших таинственных соседях. Домовики ведь не из тех, кто готов показываться на глаза каждому встречному и поперечному. И уж тем паче — говорить о себе, раскрывая людям вековые тайны. Если уж кто из старых, уважаемых домовых и согласился бы немного «приподнять завесу тайны», то для начала рассказал бы вот что: домовые — племя древнее и мудрое. Живет рядом с людьми уже много веков. И за это немалое время они стали изрядно походить на людей, с которыми делили кров.

Есть домовики, что любят очень маленьких детей, обожают селиться в детской, под обоями. Да и внешне, если кому-то, конечно, доведется увидеть, похожи они на маленьких, озорных детишек. Без ума от варенья и шоколада, любят разные невинные шалости. Да и пахнет от них, как от человеческих малышей, молоком.

Совсем иные домовики предпочитают общество людей пожилых. Степенные, старозаветные, любящие долгие беседы и не любящие суету, домовые эти словно бы превращаются в стариков, даже болеют, бывает, всякими старческими болезнями. Причем делают это не по естественным причинам, а лишь из сочувствия к болезням хозяев, будто деля болезнь пополам, сиюсья облегчить страдания человеческие.

И уж совсем худо приходится домовику, коль обожаемый хозяин его умирает. Домовик тот либо сразу исчезнет, растворившись в воздухе, успев лишь проронить слезу по усопшему, либо уйдет в скитание вечное, не войдет более ни в какой дом и сгинет где-нибудь в глуши. Лишь тем повезет, чей

хозяин не был одинок. Останутся после хозяина добрые дети, что захотят сохранить дух старого дома, — будет жить и домовый...

Афанасий наш был как раз из истинных, верных домовых. Не мыслил себя без хозяина и очень мучился без него. А ранее был столь же верен отцу его и деду.

Впрочем, нам пора возвращаться на улицу Маркса, в дом 17, 43 квартиру и к нашему повествованию.

Дни тянулись, словно резиновые... Афанасий, привыкший, в общем-то, к очень размеренной, бедной на события жизни, не знал, как себя занять. Он подмел пол на кухне и в комнате, полил цветы, покормил и напоил канареек, живших в небольшой клетушке на шкафу. Домовой даже посидел немного рядом с клеткой, свесив ноги со шкафа, насвистывая птицам что-то на мотив «Калинки-малинки». Канарейки совершенно его не боялись, лишь удивленно вертели своими маленькими желтыми головками.

Афанасий вытащил из недр шкафа остановившиеся года три назад ходики, починил их и повесил на кухне, где они своим тихим, вкрадчивым голосом отсчитывали отныне минуты его новой, одинокой жизни.

Вконец осовев от скуки и дурных предчувствий, домовый взялся за книжные шкафы и полки. Он тщательно, до блеска, протер стекла. Вытащил все книги, сложил их аккуратными стопками на полу и начал протирать обложки. Надо заметить, что у Андрея Новоселова было совершенно особое отношение к книгам, близкое к поклонению. Жилище его во многом напоминало библиотеку, а где-то — даже храм книги. Многочисленные полки и шкафы занимали едва ли не половину его небольшой квартиры. Чьи-то мысли, убранные в бумагу и картон, стояли ровными, аккуратными рядами: одготомники, двухтомники, многотомники. Кант соседствовал с Астрид Линдгрэн, а Шекспир — с Достоевским. Собирать книги начали еще родители Андрея Андреевича, а он с огромным вдохновением продолжил. Домовой не мог припомнить дня, чтобы хозяин не брал в руки книгу. Читал он всегда подолгу и с аппетитом, забывая в это время обо всех житейских неурядицах. Более того: когда-то, очень давно, хозяин и сам хотел стать писателем, писать для детей. Домовой знал это совершенно точно, так как Андрей Андреевич имел странную привычку иногда разговаривать сам с собой (Афоне нравилось думать, что так хозяин обращается к нему, делится

своими мыслями). Первые рукописи Андрея Новоселова, «проба молодого пера», как он их называл, аккуратно сложенные в красную картонную папку с тесемочками, до сих пор хранились на нижней полке одного из шкафов.

Закончив с уборкой, домовой взял несколько книг и присел на диван. Три или четыре книжки он отложил сразу — в них не было картинок, а читать Афоня, как было уже сказано выше, не умел. Наконец он бережно раскрыл тяжеленный альбом с репродукциями картин эпохи Возрождения. Какое такое Возрождение, что за эпоха, Афоня, естественно, не знал, но слышал как-то, что именно так называл эту красочную книжку Андрей Андреевич.

Забравшись с ногами на диван, который, казалось, еще хранил тепло хозяина, и укутавшись в голубое байковое одеяло, Афоня аккуратно переворачивал своими короткими, неуклюжими пальцами гладкие, как шелк, страницы. Со страниц на него смотрели кудрявые стройные юноши и дородные, обнаженные (тут домовой покраснел до кончиков своих покрытых жесткой серой шерстью ушей) женщины.

Афанасию уже наскучило было это бездумное созерцание прекрасного, и он собирался вернуть книгу на полку, чтобы заняться на кухне куда более полезными вещами — почистить плиту, скажем — как очередная картина чем-то привлекла его внимание. Было в ней нечто странное, неожиданное. Афоня взгляделся повнимательнее: залитая солнцем поляна, девицы-красавицы в венках водят хороводы, в центре, среди зеленой травы — большой камень, а вот на нем... Что за чудной человек... или зверь? Ехидная рожица, небольшие рожки и, что самое странное и потешное, — совершенно козлиные ноги.

Сидит, девок веселит, на дудке играет. Домовой некоторое время разглядывал козлоногого, затем вдруг почувствовал, что веки его тяжелеют.

— Придумают же... Чудо чудное, диво дивное... Тоже мне! Ему бы на капустных грядках на дуде играть, а не за девками ухлестывать, — пробормотал Афанасий, проваливаясь в глубокий сон.

Глава вторая

Проснулся он оттого, что кто-то невидимый в вечернем синем полумраке явственно цокал копытцами по полу. Домовой осторожно высунул свой длинный, шершавый, как напильник, нос из-под одеяла и в ту же секунду с грохотом уронил на пол книгу со странными картинками. Какая-то тень шарахнулась из комнаты в прихожую, затем на кухне посыпались с полок кастрюли и сковородки. Афанасий, путаясь в одеяле, вскочил, бросился с невероятной для его возраста прытью на кухню и зажег свет. Пол был усыпан смесью из манной крупы и чайной заварки, повсюду валялись кастрюльки, плоски, поварешки.

И тут Афанасий невольно открыл рот, удивившись настолько, кажется, впервые за последние лет четыреста. Посреди кухни, покачиваясь на своих козлиных ногах, стояло то самое чудо чудное из книги. Похоже оно было на козла и нахального, бесцеремонного мальчишку одновременно: ехидная физиономия со слегка раскосыми глазами, худощавое человеческое туловище, крепкие, мускулистые руки, кривоватые, покрытые рыжей шерстью ноги и короткий пушистый хвост. На голове у козлочеловека, подобно древнему шлему, была надета одна из рухнувших с полки кастрюль. Незнакомец дробно застучал по полу копытцами и громко чихнул. Кастрюля слетела с его головы, открыв пару козлиных рожек. Затем пришелец заговорил на каком-то странном языке. Вначале домовой не понял ни слова, а потом, словно сквозь пелену, начал медленно пробиваться смысл отдельных слов, потом больше, больше... Афанасий, понимавший доселе из чужих наречий лишь язык голубей, воробьев да невразумительное бормотание соседа-пьяницы, что иногда заходил к хозяину кланяться на бутылку, даже не удивился таким своим способностям. Он на время утратил способность удивляться.

— Приветствую тебя, хозяин этого жилища! Полное имя мое слишком сложно для чужеземца, можешь звать меееееня, как сам пожелаешь, — проблеял ночной гость. — Род же мой зовется сатиры. А тебя как зовут?

— Афанасий. Мефодьевич. Род мой зовется домовые. И я тут совсем не хозяин, — ответил Афоня. Домовой потихоньку начал приходить в себя. — Веник возьми в прихожей, — ворчливо добавил он.

— Что взять, почтенный Анаси Миходич? — удивился Сатир.

— Веник. И совок заодно. И побыстрее, отрок рогатый. Я же пока чаю заварю... Посидим, почаёвничаем, разберемся, откуда ты такой взялся. И, кстати, звать я тебя буду Сатириком.

Юмористические программы канала «Россия», наряду с криминальными сериалами, были очень любимы Афанасием.

«Сати́ры (Σάτυροι, ед. ч. Σάτυρος) — в греческой мифологии — лесные божества, своего рода демоны плодородия. Согласно мифам населяли греческие острова.

Об их происхождении рассказывает еще Гесиод. Эти козлоногие существа первыми приготовили вино. Славились пристрастием к алкоголю и склонностью к распутству. Проводили время в пьянстве и охоте за нимфами.

Отличались фантастической выносливостью как в битве, так и за праздничным столом.

Большой страстью сатиров было увлечение музыкой, флейта — один из их основных атрибутов» (примечание автора).

Потом пили чай. Афоня намазывал на черный хлеб малиновое варенье и шумно прихлебывал горячий чай из большой зеленой кружки. Сатиру налили чай в блюдце, поставили блюдце на стол, и он пил из него, временами отрываясь, словно дикая коза на водопое. От варенья козлоногий отказался, а вот кусок сахара взял и громко схрумкал тем манером, которым это делают лошади. Сатирик потянулся было и к герани на подоконнике, но Афанасий, быстро облизнув вымазанную вареньем ложку, треснул его по рогатой курчавой голове. Герань-то, чай, хозяйская...

Когда чайник засвистел на плите аж по третьему разу, Афанасий решил задать гостю главный вопрос: как он попал сюда, в этот мир, на эту кухню?

Сатир некоторое время хлопал глазами, как не выучивший урок школьник, затем начал бормотать, что де играл на флейте, сидя на камне, в окружении танцующих дев.

Потом у него возникло странное чувство, будто он находится сразу в двух местах: дома, на залитой вечерним солнцем поляне, и в какой-то пыльной

каморке (тут домовой гневно нахмурил лоб), где на странном ложе возлежал, листовая книга, какой-то незнакомый старик, носатый и бородатый.

Афанасий крепко задумался. Мысли, словно настырные серые мыши, шуршали в его голове: «Домовой — существо сказочное, вернее, люди всегда считали его выдумкой и сами выдумывали о нем сказки. И сатир — создание не из этого мира, про таких, как он, поди, тоже немало сказок сложено. Сказки эти в книжках напечатаны. Но ведь раньше-то домовой никогда не брал в руки книг, так как дел по хозяйству всегда хватало, да и грамоте он был не обучен... А что, если так — коли он, домовой, берет в руки книгу, в коей скрывается другой сказочный персонаж, да крепко подумает о нем, невидимая и могучая сила героя этого ему из сказки и вытащит».

Домовой перевел дух и вытер пот со лба. Надоедливые мыши — мысли в его голове — снова попрятались по норам. Как происходит это чудесное перемещение из одного мира в другой, от чего, Афоня даже думать не стал, ибо наукам был тоже не обучен.

Домовой сгреб со стола грязную посуду, включил кран в раковине и начал старательно тереть свою кружку губкой. Отмытые тарелки и чашки он аккуратно убирал в шкаф. Сатир меж тем задремал за столом, словно набегавшийся за день ребенок, положив голову на сложенные руки.

Надо заметить, что, хотя большинство сатиров и не являются самыми милыми и приятными существами (см. описание выше), случайный гость домового, к счастью для Афанасия, был редким исключением. Старшие сатиры считали его бездарным, странным выродком, совершенно неспособным к пьянству и распутству. Его наивные проделки могли вызвать лишь улыбку. Рогатый юнец словно упорно не желал взрослеть.

— Ой, да ты совсем скапустился, дружочек мой! — Афанасий вытер руки кухонным полотенцем, развесил его сушиться и слегка потормошил своего гостя за плечо. — Время позднее, надо бы спать ложиться.

Домовой предложил сатиру на выбор свой уютный уголок за шкафом и хозяйский диван, но тот выбрал подоконник. Причем потребовал обязательно оставить форточку открытой, так как привык спать на свежем воздухе. Забравшись на подоконник, сатир подобрал под себя лохматые ноги и положил подбородок на скрещенные руки. Под мышку он сунул флейту, что

случайно прихватил из своего мира. Сатир моментально задремал, не забывая, впрочем, поводить во сне своими всеслышащими ушами.

Афанасий же улегся, старчески кряхтя, на диван, полночи ворочался с боку на бок и под утро, наконец, протяжно захрапел.

На сей раз домового разбудил звук поворачивающегося в замке ключа. Он рывком стащил с подоконника удивленно вытаращившегося на него сатира и уволок в свой угол за шкафом, где они оба моментально, совершенно непостижимым образом, впитались в старые, ободранные обои.

В комнату вошла высокая, светловолосая девица лет двадцати пяти. На ней была короткая куртка ядовито-розового цвета, не прикрывавшая и половину дряблого, белого живота, длинные ногти на руках — того же цвета, что и куртка. Серые джинсы каким-то чудом удерживались на полных бедрах, стремясь сползти вниз.

— Ксюха, дочь хозяина, — шепнул Афанасий сатиру чуть слышно. — Принесла ее нелегкая! Сто лет её не было. И что ей надо-то?

Домовой видел ее, но не глазами, а каким-то другим, свойственным сказочным существам, образом. Видел так хорошо, что мог разглядеть пламенеющий прыщ над верхней губой.

Ксюха Новоселова прошла по комнате, озираясь по сторонам, задержала на секунду взгляд своих кукольных, бледно-голубых, словно нарисованных глаз на книжных полках, заставленных различными томами. Зачем-то прошла в ванную, проверила, как работает сантехника. Вернулась в комнату, поковыряла ногтем обои на стене. На лице Ксении была некая странная смесь выражения брезгливости и деловитой сосредоточенности. Пройдя на кухню, она присела на табурет, предварительно вытерев его кухонным полотенцем, и задумчиво закурила, поглядывая на огонек тонкой сигареты.

У Афони, который не видел Новоселову-младшую, но чувствовал ее присутствие, стало как-то беспокойно на душе. Он заворочался в своем углу, под обоями, и случайно заехал локтем в крутой лоб Сатирику. Тот коротко мекнул и взлягнул ногами. Стены квартиры пошли мелкой зыбью, словно морская гладь при легком ветерке. От потолка кухни отделился средних размеров кусок штукатурки и шмякнулся прямо в блондинистые дебри

Ксюхиной прически. Девушка пронзительно взвизгнула, вскочила, опрокинув табурет, и опрометью выскочила из квартиры, держась за голову и проклиная «рассыпающуюся, гнилую конуру».

Как только дверь захлопнулась, Афанасий выбрался из своего угла. За ним, цокая копытцами, вышел сатир.

— Вот стерва, дом она к рукам прибрать хочет! — обращаясь то ли к своему товарищу, то ли к себе самому, пробормотал Афанасий. — Андрей Андреевич совсем плох, значить, эта стерва надеется... А там, либо сама въедет, либо жильцов каких пустит... Не допущу! — вскрикнул домовый, выпрямил обыкновенно сгорбленную спину и сверкнул глазами столь грозно, что даже щебечущие на своем шкафу канарейки притихли, а сатир невольно отступил назад.

— Хозяина, хозяина моего сыскать надо, куды его доктора запрятали? Посоветоваться с ним надо. Да и видеть его хочу... Скучаю, мочи нет! Поможешь старику, Сатирушка? — произнес Афоня уже совсем другим, постарчески жалобным голосом.

Сатир ухмыльнулся, поскреб в затылке и энергично кивнул.

— А пока, может, еще чаю? — домовый сделал широкий жест рукой в сторону кухни.

— Спасибо, не откажусь, почтенный Анаси! — ответил сатир с улыбочкой и бодро поскакал на кухню. Спустя всего секунду, оттуда донеслись сочный хруст и довольное чавканье. Афанасий всплеснул руками и поспешил вслед за сорванцом.

— Сатирик, кому сказано было, цветы не трогать! — крикнул домовый. На ходу, схватив со стола скомканное кухонное полотенце, он швырнул им в сатира; рогатый нахал, воспользовавшись тем, что Афанасий замешкался в дверях, успел уже сжевать едва не половину хозяйской герани. Застигнутый «на месте преступления», Сатирик, хихикая и дурачась, легко вскочил на подоконник, оттуда птицей перелетел на стол и начал там весело приплясывать, строя домовому рожи. Афанасий махнул рукой, крикнул, аккуратно повесил полотенце на гвоздик и, отвернувшись, чтобы не видеть «сатирические» кривляния, начал смотреть в окно.

— Ох, и намучаюсь я с этим мальчишкой! — думал домовой. — А с другой стороны, — он обернулся и посмотрел на Сатирика уже тепло, по-отечески, — кто ж воспитает этого рогатого шалопая, если не я? Ничего, попривыкнет малость, глядишь — славным помощником мне будет... А пока отдохну немного. Староват я для таких приключений, ой, староват...

Домовой пошел в комнату и тихонько включил телевизор. Скоро должен был начаться его любимый детективный сериал. Афоня удобно устроился на диване и приготовился смотреть. Сатир вошел вслед за ним и развалился рядом, на ковре. Афоня ласково потрепал его по голове и окунулся в сериальный мир погонь, драк и стрельбы.

2014